

кой Комиссией и ее многосторонней деятельностью, если бы каждые два или три ее сочлена по малейшему разноречию стали бы пытаться издавать свои журналы или создавать особые организации: совершенно очевидно она была бы взорвана изнутри и все ее члены вернулись бы в первоначальное состояние организационного и идейного характера. Но так действовать могли и могут лишь люди крайнего недомыслия или намеренно враждебно настроенные. Мы совершенно уверены, что издатели, редакторы и сотрудники "Ковыльских Волн" не принадлежат к этой категории лиц. Поэтому мы полагаем, что факт выделения части наших членов для издания своего отдельного журнала относится к досадному недоразумению, какое к сожалению не мало бывает в жизни. Повторяем, что в национальной работе в настоящее время особенно требуется величайшая сосредоточенность: организации и силы и, сказать прямо, большая авторитетность их, главным врагом которой является неоправдываемое чрезвычайными обстоятельствами распыление, сепаратизм, расщепление ... Хочется верить, что отделившиеся наши товарищи по КК раздвигают изложенные соображения и вновь сомкнуть свои силы, как и прежде, в рядах "Улань-Залата". Подробный разбор журнала "Ковыльские Волны", если то потребуется, мы отдаем в следующем № "Улань-Залата".

Эрдэ Николаев .

ОБРАЗЦЫ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕНЬ. А. ПОЗДНЬЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1880 г.

В настоящей книгѣ собраны образцы пѣсенной поэзіи монгольскихъ племенъ. Трудъ этотъ принадлежитъ извѣстному монголовѣду покойному проф. А. Позднѣеву. Книга имѣется въ библиотекѣ Калмыцкой Комиссіи и каждому интеллигентному калмыку надлежитъ ее прочитать. Въ нее включены народныя пѣсни Халхасцевъ, Олѣтовъ и Бурятъ. Проф. А. Позднѣевъ въ вступительной статьѣ излагаетъ основныя мотивы пѣсенной поэзіи монголовъ, указываетъ причины и способы ихъ развитія въ различныхъ монгольскихъ племенахъ. Характернымъ является, что любимыя темы монгольской поэзіи послѣднихъ лѣтъ служатъ сюжеты религиозныя, а не эпическіе и бытовые. Воспоминанія о минувшихъ славныхъ временахъ, воспѣваніе доблестей древнихъ героевъ и хвала вѣрному и постоянному другу монгола - коню, уступаетъ свое мѣсто выраженіямъ благоговѣйныхъ чувствъ передъ Буддой. Причины этого кроются въ томъ, что большинство монгольскихъ племенъ исповѣдуютъ буддѣйскую вѣру, буддизмъ давно сталъ у нихъ руководителемъ ихъ духовной жизни. Разумѣется, интересъ къ религиозной жизни сталъ тѣмъ выше, чѣмъ больше монголы сходили съ политической арены. Всякій историческій народъ, кромѣ литературы письменной, такъ сказать, ученой, имѣетъ еще богатую устную, народную. Этотъ родъ литературныхъ произведеній бываетъ тѣмъ богаче и разнообразнѣе, чѣмъ менѣе развита письменность въ народѣ и однообразнѣе уровень общественнаго развитія въ различныхъ классахъ общей народной семьи. Вѣдь произведенія народной словесности вообще, а въ частности пѣсни, суть истинныя и непритворныя выраженія мысли и чувстваванія народа. Поэтому, чтобы имѣть полное представленіе о какомъ-нибудь народѣ необходимо ознакомиться съ его устнымъ творчествомъ, пѣсеннымъ богатствомъ. Монгольскія пѣсни не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ общаго правила и представляютъ чистѣйшія выраженія народнаго духа. До послѣдняго времени монголы изучали и знали лишь съ одной стороны, со стороны его боевой способности - военной исторіи. Собранныя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи позволяютъ легко слѣдить прошлое монголовъ съ отдаленнѣйшихъ временъ, а изъ эпохи Чин-

гисъ-Хана мы въ состояніи опредѣлить не только годы и мѣсяцы, но даже дни извѣстныхъ событій. Мы ясно представляемъ себѣ быть монголовъ того времени, знаемъ ихъ гражданскіе и военные обычаи, способъ ихъ сраженій и т. д.

Къ сожалѣнію это богатство свѣдѣній по исторіи монголовъ стоитъ не только внѣ связи съ серьезнымъ изученіемъ монгольскаго языка и литературы, но диаметрально противоположно. Разсматриваемая книга проф. А. Позднѣва является первой серьезной попыткой разсмотрѣть монголовъ со стороны ихъ внутренней, интимной жизни. Для насъ очень важнымъ является глава, посвященная Ультамъ. Подъ послѣдними разумѣетъ проф. Позднѣвъ западную вѣтвь монголовъ, т. е. калмыковъ, живущихъ въ Азіи. При всемъ томъ, что Халхасцы, Ульты, Буряты являются племенами одного монгольскаго народа, исповѣдуютъ одну религію, но давно живутъ обособленно другъ отъ друга, а потому разнятся между собою въ характерѣ. По словамъ проф. Позднѣва Ульты отличаются наклонностью къ подвижности, борьбѣ и упорнымъ стремленіемъ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей. Знаменитый изслѣдователь монгольско-татарскихъ народовъ проф. Палласъ эти же качества приписываетъ и намъ, калмыкамъ, живущимъ въ Европѣ. "Всѣ тѣ народы, говоритъ онъ, которые ведутъ безпечную кочевую жизнь, по природѣ склонны къ праздности, калмыки же по ихъ ревниводѣятельному духу въ самомъ дѣлѣ могутъ быть названы трудолюбивыми." Проф. Позднѣвъ говоритъ, что, хотя политическая судьба одинаково печально сложилась для всѣхъ монгольскихъ племенъ, но Ульты менѣе подверглись вліянію ученія Будды. Въ результатѣ сравнительно слабого проникновенія и распространенія среди нихъ буддизма они слабѣе поддались пессимистической философіи этой религіи, нѣтъ въ нихъ налета разочарованности жизнью, а напротивъ любить ее, заботятся о ея матеріальныхъ благахъ и прочно хранятъ воспоминаніе о своихъ лучшихъ временахъ. Доказательствомъ этому служатъ, что Ульты наиболѣе сохранили свой національный эпосъ. Каждый калмыкъ знаетъ нашъ героическій эпосъ "Джангаръ", который служить лучшимъ выраженіемъ ойратскаго духа. Походъ и пирушка - идеалъ ихъ жизни въ пору національной ихъ независимости. Да, у Ультовъ направленіе духа реальное, они жизнерадостно смотрятъ на окружающее, находя въ немъ свой покой и свое счастье. Вотъ одинъ изъ выдающихся привѣтовъ, приводимыхъ въ настоящей книгѣ, который рисуетъ ихъ вполнѣ мірскіе идеалы:

Бндѣр Йэке добон-ду герон баричжи
Ургѣн Йэке ширек-ту зельн татачжи
Бдѣрѣйн сайги Бичжилѣчжи
сарайн сайги сакичжи
санани амур
салькини токтун
сайхан амур чжиргачжи байху ду
Бден ибтѣ теньгеръ чини Уршочжи
Бден ибтѣ нойот чини Уршѣчжи
буинни Бмѣнѣ кѣлѣн чжижійчжи
бурхяни Бмѣнѣ толгойган баричжи
дѣдѣ Йэкесийги номорон ханьгачжи
дорогу муги Углигѣрѣн ханьгачжи
тосун аматай
торгон чирайтай
Бѣн аматай
Ургѣн чирайтай байху ду
хан нойот-ту хайртай больчжи
хавартай мѣрѣр шаньнульчжи
эзэн нойот-тан эльтѣй больчжи
эмэльтѣй мѣрѣр шаньнульчжи
.....
.....
дугай хара нохойги Бденден хуцульчжи
доротыму кунѣр аргасу тѣлгечжи

дунду му кунэр адуган манульчи
эркин кунэр мадан харулгачи
хайкирачжи кунуши уга бэльчиртэй
хамук-ту күсэктэжүй йэжэ нэрэтэй болъчи
хамуги гэйгү дүкчи нара мэтү мандачжи
набчи мэтү дэлгэрэчи
насун турши чжиргачжи сухуйн бэлэк шингэбэй.

Подобный родъ литературныхъ произведеній хорошо извѣстенъ намъ подъ именемъ "ерель" и очень распространенъ среди калмыковъ. Хотя разбираемая книга проф. А. Позднѣва вышла давно, но по исключительной важности и цѣнности подобраннаго матеріала остается и въ настоящее время заслуживающей самаго серьезнаго изученія для всякаго интересующагося душевной жизнью и культурой монголовъ и калмыковъ. Въ цитатѣ сохранена транскрипція автора книги.

С. Баяновъ .

"МУДРЕШКИНЪ СЫНЪ", КНИГА А. АМУРЬ-САНАНА.

Величайшей радостью для сравнительно небольшой семьи калмыцкой интеллигенции является то, что изъ ея рядовъ начинаютъ выступать на широкій путь литературной дѣятельности отдѣльные ея представители. Въ такомъ порядкѣ появилась въ Совѣтской Россіи книга Антона Амурь-Санана, здѣсь въ Зарубежьи - историческій трудъ дра Хара-Давана. Совершенно естественно чувствовать и видѣть во всемъ этомъ наступленіе чего-то новаго въ культурной исторіи нашего небольшого калмыцкаго народа. Это новое обязываетъ всѣхъ насъ не только радоваться всей полнотой душевной радости, но и внимательно, глубоко всмотрѣться въ суть этого явленія. Этимъ вниманіемъ и наблюденіемъ проявить всю нашу чуткость, а еще больше всю нашу бережливость къ расправляющимся крыльямъ національной мысли. Эта ревнивая заботливость, естественная первому порыву радости нашего калмыцкаго сердца, должна выявиться въ братски-искреннемъ, отечески-любивомъ указаніи всѣхъ недочетовъ и шероховатостей первыхъ плодовъ національно-творческой мысли. Эти соображенія и только они побуждаютъ меня остановить вниманіе читателей на книгу А. Амурь-Санана въ первую очередь, не отказываясь отъ такого же разбора и книги дра Хара-Давана въ слѣдующемъ №-рѣ нашего журнала.

Въ лицѣ автора "Мудрешкинъ сынъ" интеллигенція европейскихъ калмыковъ впервые выступает на путь литературной публицистики, впервые тѣмъ самымъ заявляя о своей духовно-политической зрѣлости и искушенности въ сложнѣйшихъ вопросахъ современности. Книга написана прекраснымъ, легкимъ, гладко скользящимъ языкомъ. На всемъ ея содержаніи, во всемъ тонѣ ея сказались весь духъ и темпераментъ ея автора. Антонъ Мудреновичъ Амурь-Сананъ принадлежитъ къ типу интеллигентовъ-самородковъ. Пройдя тяжелую школу жизни, устланную колючими шипами, авторъ этой книги, благодаря недюжиннымъ своимъ способностямъ, рѣдкой настойчивости воли, оказался въ концѣ концовъ побѣдителемъ надъ всеми тѣми испытаніями, которыя обычно ставятъ жизнь на пути многихъ обездоленныхъ юношей. Автору этихъ строкъ еще 13 лѣтъ тому назадъ приходилось на путяхъ общественной жизни сталкиваться съ Амурь-Сананомъ и убѣдаться не разъ, какъ въ его способностяхъ, такъ и въ пылкомъ его темпераментѣ. Мы съ нимъ въ дальнѣйшемъ ходѣ историческихъ событій очутились въ разныхъ станахъ, разошлись идеологически и тактически. Но я быль бы не правъ передъ своей совѣстью, если бы не признался, что въ лицѣ автора "Мудрешкина сына" видѣлъ и продолжаю видѣть несомнѣнно одного изъ идейныхъ